

© 1995 г. ЭО, № 5

С. А. А р у т ю н о в

ЭТНИЧНОСТЬ — ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

(отклик на статью С. В. Чешко)

Снова на страницах журнала «Этнографическое обозрение» открыта дискуссия по проблемам сущности понятий этноса и этничности. В своевременности ее сомнений быть не может. Ведь каждый день, каждый час, открыв газету или включив телевизор, мы узнаем все новые подробности о ходе тех жарких «дискуссий», которые в практическом ключе в своей среде и между собой ведут чеченский, абхазский, осетинский, ингушский, грузинский, армянский, азербайджанский, эстонский, татарский, башкирский, тувинский, русский и многие другие этносы. В этих нередко очень далеких от академизма «дискуссиях» этносы не ставят под вопрос свою реальность и объективность. Предметом дискуссии является дальнейшая судьба этноса, территория его расселения, его права и привилегии, его отношение к ресурсам и собственности и в гораздо меньшей мере — реализация его языкового и культурного развития.

В этих «дискуссиях» нет ничего иррационального, надсоциального, надуманного. Аргументация их может быть чудовищно иррациональна, но сами они материальны, прагматичны, являются объективной реальностью, выражают объективные материальные интересы объективно существующих групп. Это конкретная реализация той хорошо известной и вполне верной сталинской (в сущности, гегелевской) формулы, когда идея, овладевая массами, становится огромной материальной силой. Важно понимать, что эта идея порождена не паранойей, не гипнозом, не харизмой лидера (хотя все эти факторы могут способствовать ее укоренению); а объективной закономерностью агломерации, «слипания» людей в группы общности интересов и дальнейшим неизбежным стремлением этих социокультурных групп, в том числе этносов, к расширенному самовоспроизводству.

По проблемам этничности писать мне уже приходилось много и повторяться не хочется, хотя, очевидно, в какой-то мере это будет неизбежно. В частности, напомним, что согласно неоднократно опубликованной мною концепции в основе возникновения и самоподдержания этносов лежат сгустки коммуникационных, информационных связей. Они же, несомненно, лежат и в основе создания других общественных группировок — религиозных, профессиональных, политических, спортивных, любительских и т. д. Однако все такие группировки основываются на сгустках тематически выборочных инфосвязей, и только этнос базируется на лишенной всякой выборочности их всеобщей совокупности.

Используя весьма несовершенную метафору, можно образно представить себе этнообразующее пространство как сеть воронок. На стенках этих воронок на разной высоте, в зависимости от степени избирательности инфосвязей, располагаются различные группы людей, неизменно построенные на различии «мы — они»: мы — филателисты, мы — овцеводы, мы — евангелисты и т. д. Однако горлышко каждой воронки стягивает инфосвязи всех групп на общеэтнической основе — овцеводов, филателистов, евангелистов украинских, румынских, болгарских и т. д. Конечно, между евангелистами или филателистами разных стран есть свои горизонтальные связи, но, как правило, они структурируются как связи между

соответствующими национальными ассоциациями. Правда, национальные ассоциации обычно, хотя и не всегда, строятся по принципу гражданства, а не этничности как таковой. И тем не менее эти ассоциации прочно ассоциируются с этнической окраской, т. е. языком, традициями, символами доминирующей в данном государстве нации как категории этнической.

Если какая-либо группа наберет очень большой вес своих связей за счет нарастания доли тематически неспециализированной информации, она может как бы «пробить» стенку своей воронки, лечь на донный, этнический уровень и стать центром новой, собственной воронки. Так из первоначально конфессиональных делений сложились в полностью или почти полностью законченные этнические общности — югославянские этничности хорватов, сербов, босняков-мусульман, сикхи в Индии, мусульмане-хуэй в Китае и ряд других. Так выделились цыгане из профессионально-кастовых группировок средневекового североиндийского общества. Еще не этносом, но во всяком случае сгустком субэтнических, этнографических групп стали русские казаки, эволюционировавшие как локально-профессиональная, а затем профессионально-сословная общность.

Чумаки и офени, однако, будучи локально-профессиональной общностью, веса для «соскальзывания» на этнический или субэтнический уровень не набрали. Не набрали его и японские неприкасаемые буракумины (эта), оставшись только кастой. Впрочем, каста очень часто или восходит к этнической общности, потерявшей критическую плотность внутренних инфосвязей, или тяготеет к развитию в этнос, или служит субституту этноса там, где собственно этничность то ли по причине именно доминирования каст, то ли по иной причине, как в центральной Индии, большого развития не получила.

Уровень этничности в ходе истории меняется волнообразно, то поднимаясь, то падая. Резко дискретные небольшие племена общинной эпохи растворяются в огромных, но рыхлых этносах античных империй типа «популюс романус». Последним на смену приходит дробность народностей средневековья, позже нередко сливающихся в более крупные буржуазные нации. В том или ином облике этничность существует всегда, это такая же необходимая форма для существования человека, как вид для остальной живой материи. У людей этнос изоморфен виду у животных, в чем и состоит причина нередкой биологизации этноса, как у Широкогорова или Гумилева. Если этнос изоморфен виду, то субэтнические или конфессиональные, локально-профессиональные и другие подобности изоморфны расам или фазам внутри видов. В этносах можно найти аналоги вавилонским гомологическим рядам (типа остистых и безостых форм у разных видов злаков), например, индусский и мусульманский сегменты в большинстве индийских наций, равнинные и горные группы у этнических общностей стран Юго-Восточной Азии, оседлые и кочевые группы у народов Передней и Средней Азии и т. д.

Полагаю, что сказанное выше отвечает на поставленный С. В. Чешко в его статье (с. 39) вопрос, чем отличаются этнические группы от клубов собаководов. Что же касается семей, патронимий, родов, территориальных общностей, то этносы слагаются из них, как виды слагаются из отдельных популяций и малых сообществ (роц, куртин, стад и т. д.). Семьи и патронимии, а тем более территориальные сообщества могут включать индивидов и их группы из других этникосов. Но в том и состоит разница между человеческим и животным, культурным и биологическим, что границы между видами (понимаемыми как линнеоны) вполне дискретны, а границы между объединениями людей почти всегда более или менее диффузны, проницаемы, и это делает возможным этнический осмос, этническое смешение, вообще этнической взаимодействии. Этнос слагается из групп, семей и индивидов, как его язык слагается из диалектов, говоров и идиолектов, и двуэтничность на индивидуальном или мелкогрупповом уровне ничуть не большая редкость, чем двуязычность. Но наличие двуэтничности так же не отрицает реальности этноса, как наличие всевозможных форм двуязычности не отрицает реальности языка.

Безусловно, каждый этнос стремится к экспансии. Расширенное самовоспроизводство представляет собой смысл существования любого вида. Кроме того, оно представляет собой смысл существования любой культуры как механизма групповой адаптации. Этнос стремится заполнить и расширить свою экологическую и социальную нишу если не путем расширения этнической территории, то путем создания диаспоры. Однако диаспора, естественно, тяготеет к ассимиляции, к слиянию с окружающим этносом и объективно способствует его росту. Этнос, осознавший предельность пространственного и количественного расширения своего воспроизводства, может целенаправленно перенести упор своих усилий на качественное улучшение самовоспроизводства — подъем образования, улучшение условий жизни. Вместе с тем любая тенденция к количественной депопуляции воспринимается любым этносом, как правило, крайне болезненно.

Конечно, порой можно встретить людей, которые гордо называют себя гражданами мира, людьми без национальности. Но пока это единицы, да и то в большинстве случаев окружающие, тем не менее, однозначно причисляют их к какому-либо этносу, обычно главному этносу страны их гражданства, что в общем и соответствует их речевому, бытовому, этикетному поведению. Хорошо это или плохо, но внеэтнического языка, внеэтнических норм поведения (проксемики, кинетики, мимики, этикетики) человечество пока что не выработало.

То, что С. В. Чешко пишет о кругах-деятельности, в общем верно, как верно и то, что в них самих по себе этничности нет. Но этничность есть в их совокупности. Сеть этих кругов по существу и образует сеть коммуникаций индивида и общества, а также среднестатистически этнический выбор, этническое предпочтение будут прокладывать себе путь реализации через эту сеть в любом, даже самом полиэтничном обществе. При этом не обязательно семья, а возможно, любой другой круг, или несколько, или все они вместе явятся в процессе социализации индивида факторами формирования его этничности.

С. В. Чешко совершенно прав (с. 45), что смысл этнической активности в современных обществах состоит не в переносе этничности в повседневную жизнь, а в создании механизма достижения целей. Этничность как изоморфная видовому многообразию адаптивно-эволюционная система является не целью, а адаптивным средством, однако расширенное самовоспроизводство общества, притом этноцентрического, даже при многонациональности имеющего доминирующий этнос, является сверхзадачей деятельности всего общества. Поэтому этничность всегда, хотя бы незримо, присутствует в любой деятельности человека, даже если он этого не осознает или активно не желает.

Что совершенно неприемлемо для меня в статье С. В. Чешко, так это его рассуждения на с. 47—48, т. е. практические выводы из всей статьи. Он пишет, что невозможно доказать, что этносы это именно то, что надо непременно сохранять. Подумать только, продолжает он, что получилось бы, если бы государство занималось сохранением этносов! Вместо современных народов на земле жили бы шумеры, хетты и этруски! Ужас, да и только!

Не знаю, кому как, а мне кажется, что красота европейского мира стала бы бесцветной и унылой, если бы из него исчезли лопари и баски. И она много выиграла бы, если бы в нынешней Тоскане продолжали жить хотя бы 200—300 тыс. этрусков. Пусть даже экстремисты из их среды и создали бы свою террористическую организацию наподобие баскской ЭТА. В целом не только вся Европа, но и конкретно Италия намного выиграла бы от наличия в ее культурной, художественной, литературной жизни, в ее экономике, политике, да и просто в туристической инфраструктуре живого этрусского компонента. Даже политически оформленный этрусский анклав не помешал бы ей, как не мешает он Сан-Марино. И уж безусловно, как армянин я был бы безоговорочно рад, если бы по соседству с Арменией, помимо 80 млн. турок и азербайджанцев, к которым я лично не питаю, кстати сказать, никакой антипатии, жили бы и имели свои национальные государства хотя бы по 2—3 млн. хеттов, урартов и шумеров.

Увы, этим народам никогда уже не жить на земле, точно так же, как не

резвиться больше в водах северных морей стеллеровым морским коровам и беззащитным бескрылым гагаркам, безжалостно истребленным человеком в XVIII—XIX вв. Продолжают вымирать животные, продолжают вымирать и народы. Всего лишь несколько лет тому назад умерли последние убыхи, эяки, сиреникцы и камасинцы. Их уникальные языки больше не звучат на земле. Кроме небольшого корпуса текстов, которые чудом успели записать несколько ученых-энтузиастов, сокровища их фольклора, традиций, мировоззрений для нас утеряны безвозвратно.

Все больше и больше животных заносится в Красную книгу. Все больше людей начинает понимать, что каждый вымерший вид — невосполнимая потеря для генофонда планеты. Ценой огромных усилий энтузиастов, ценой немалых денежных затрат спасена и начинает восстанавливаться популяция эндемического гавайского гуся нене. Судьба арктического журавля стерха висит на волоске, все еще неясно, удастся ли спасти его от вымирания. Но неужели судьба кетского или нивхского народа, их языков, каждый из которых представляет особую семью и таит ключ ко многим загадкам древней этнической истории Евразии, их абсолютно уникальных, бесценных для понимания архетипического мышления мифологий представляет для человечества меньшую ценность, чем нене и стерхи?

Как реалист я понимаю, что и животные, и растения, и народы вымирают и будут продолжать вымирать. Но я понимаю также, что это происходит вовсе не в результате некоего оккультно-мистического «исчерпания своего исторического ресурса», а в результате наступления наглости, безответственной, всемогущей, хищнической предпринимательской политиканствующей стихии.

Я понимаю, что усилия немногих патриотов и энтузиастов не могут этой стихии эффективно противостоять, по крайней мере в ближайшие десятилетия, и особенно в России. Но понимать это больно. Еще больнее осознавать, что люди, работающие в нашей специальности, заслуженно носящие звание антрополога-профессионала, могут, прикрываясь псевдолиберальными фразами о «свободном самоопределении на индивидуальном уровне» (как будто может оно сегодня быть для манси, кета или удэгейца!), всерьез пытаться уверить нас, что не будет большой беды в «прекращении воспроизводства историко-культурной традиции», что «это будет, наверное, лучше для людей, чем во имя сохранения этноса превращать его в музейный экспонат, ограждать его от внешних влияний, соорудить этническое государство». Грустно жить на этом свете, господа!

Ethnicity as objective reality (comments on the article by S. Cheshko)

The author argues that it is the concentration of communicative and informational ties that is the major factor in the rise and self-maintenance of ethnoses. The same ties are at the core of all kinds of social groupings, religious, professional, political, and others.

S. A. Arutyunov